

Р И Ч А Р Д   С У О Н

ИСПЫТАНИЕ ИМПЕРИИ

fanzon

МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
С89

Richard Swan
TRIALS OF EMPIRE

Copyright © 2024 by Richard Swan
First published in the United Kingdom in the English language in 2024,
by Orbit an imprint of Little, Brown Book Group.

Перевод с английского *Расима Прокурова*

Иллюстрация *Виталия Аникина*

Дизайн *Елены Куликовой*

Карта *7Narwen*

Суон, Ричард.

С89 Испытание империи / Ричард Суон ; [перевод с английского Р. Прокурова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-211294-2

Великая Ложа сожжена, Орден Магистратов упразднен, а Конрад Вольвант приговорен к смертной казни и вместе с Хеленой бежит из Совы. Объединившись с Севериной фон Остерлен и сэром Радомиром, они отправляются на поиски союзников к южной границе Империи. Главное — не позволить патре Бартоломею Клаверу и его армии войти в город и захватить власть. Но имеют ли они дело лишь с безумным еретиком или у того есть союзники из Потустороннего мира? И может ли смертный призвать демона, способного уничтожить Империю Волка?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-211294-2

© Р. Прокуров,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Оглавление

Пролог. На виселицу летним утром	7
I. Естественный порядок рушится	12
II. Перебирая варианты	30
III. Плод ядовитого дерева	46
IV. Языческая магия	61
V. Портал отчаяния.....	80
VI. Враждебный прием.....	94
VII. Империя казаров.....	109
VIII. Смерть и ужас в Спящем городе.....	129
IX. Обретение	149
X. Казарад	168
XI. Возвращение в Пограничье	184
XII. Цена ошибки.....	201
XIII. Обратно в Сову	215
XIV. Старые друзья	232

XV. Новые враги	252
XVI. Нежданная встреча.....	263
XVII. Освобождение города	285
XVIII. Битва при казармах.....	301
XIX. Оплот измены и зла.....	318
XX. Новая напасть	332
XXI. Суть вещей, составляющих мир.....	349
XXII. Разбитая Тропа	363
XXIII. Зло не спешит	381
XXIV. Кто платит... ..	395
XXV. ... тот и музыку заказывает	412
XXVI. Союз по расчету	425
XXVII. Небо чернеет.....	448
XXVIII. Крепкие духом.....	461
XXIX. Нема оставила нас	478
XXX. Душа Империи	488
XXXI. Клинки света	507
XXXII. Меч в руке правого.....	521
XXXIII. Последствия.....	535
XXXIV. Гибель идеи	555
XXXV. Пути расходятся	578
Эпилог. Великий упадок.....	589
Благодарности	601
Об авторе	606

Пролог

На виселицу летним утром

«Вина рождается из умысла».

ИЗ ТРУДА КАТЕРХАУЗЕРА «УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС СОВЫ:
ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ»

Помню, однажды мне довелось наблюдать, как вешали человека. Это случилось в маленьком городке, в десяти милях к северу от Лайенсвальда, и я могла думать лишь о том, какая это жестокая участь — столь дивным летним утром оказаться на виселице.

Человек, чье имя стерлось из моей памяти, как и название городка, обвинялся в убийстве. История, как это часто бывает, нелепая: уличная перебранка, которой бы следовало завершиться спустя пару часов в ближайшей таверне. Но вместо этого от ругани спорщики перешли к действиям, и один ударил друго-

го ножом в грудь. Затем преступник сбежал, но Бресинджер выследил его меньше чем за день: убийца не придумал ничего лучше, как спрятаться на дереве.

Я сидела с Вонвальтом в одной из комнат на втором этаже таверны и наблюдала, как рабочие под руководством плотника возводили виселицу. Вонвальт сидел за столом, просматривая какие-то бумаги, среди которых было и обвинительное заключение. Убийца тем временем исповедовался в городской тюрьме неманскому священнику.

— На что вам все это? — спросила я, небрежно указывая на бумаги.

Вонвальт поднял глаза, ничуть не раздраженный моим вмешательством. Как правило, он охотно пользовался возможностью обучить меня чему-то, даже если я бывала непочтительна или груба.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Бумаги. Это...

— Обвинительное заключение.

— Ну да. К чему это все?

Я мгновенно осознала свою ошибку. Вонвальт откинулся на спинку, достал трубку и закурил. По его губам скользнула улыбка.

— Тебе стоит поработать над порядком судопроизводства.

— Пусть бы и так, — я пожала плечами. — Просто мне все это кажется пустой тратой времени. Вы все равно его повесите. Результат один. Так к чему эти... бюрократические проволочки?

Вонвальт обдумал услышанное с тем раздражающе-насмешливым видом, какой обычно принимал, будучи в хорошем настроении.

— Давай поразмыслим над этим. Что произошло? — Он кивнул в направлении окна, имея в виду убийство.

Я недоуменно нахмурилась. Вонвальт и сам знал, что произошло.

— Убийство. Поножовщина. Повздорили из-за... Нема, каких-то инструментов? Один полоснул другого, тот умер — получается, это убийство. Куча народу видела это, так что у нас полно очевидцев, и это не подлежит сомнению.

— Ага, верно, — тихо проговорил Вонвальт. Затем глубоко затянулся и выдохнул струйку дыма. — Все так. А что было потом?

— Убийца сбежал, и Дубайн его выследил.

— А дальше?

Я недовольно фыркнула.

— Вы его допросили, применили Голос Императора, и он во всем сознался. И вместо того, чтобы обезглавить его там же, вы сидите за писаниной, вынуждая других тратить время и силы на возведение виселицы, от которой завтра не будет никакого проку!

Вонвальта явно позабавило мое негодование.

— Давай на миг представим, что меня здесь не оказалось, — сказал он. — Что я не смог применить к нему Голос Императора и добиться от него признания. Что бы тогда произошло?

— Горожане забили бы его до смерти.

— Серьезнее! — одернул меня Вонвальт, так что я вздрогнула.

— Начался бы судебный процесс, — сказала я через секунду.

— Верно. Его бы допросили законники, а возможно, и староста. А теперь представь, будто во время допроса выяснилось, что преступник лишен рассудка. Что тогда?

Я раскрыла и закрыла рот, ибо уже ступила на зыбкую почву.

— Ну... это кое-что поменяло бы.

— Точно. Оправдывает ли общее право душевнобольных?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Подумай!

Я задумалась.

— Потому что это не их вина.

— Совершенно верно. Вина рождается из умысла. «Тот, который не осознает природы своих деяний, не может отвечать по тем же правилам, что и тот, который действует в сознании». Катерхаузер. По той же причине мы не судим детей или собак, — сэр Конрад постучал по виску. — Они не понимают, что творят.

Несколько мгновений я переваривала услышанное.

— А что, если погибший убил жену преступника? — спросил Вонвальт.

— В каком смысле?

— Я спрашиваю: что, если убитый сам в то утро убил жену убийцы? Или, быть может, его ребенка? Что, если преступником двигала месть? Что тогда?

— Тогда... он в любом случае совершил убийство.

Вонвальт улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Да. Но справедливо ли будет его повесить в этом случае?

Я задумалась и покачала головой.

— Полагаю, что нет.

— Верно. И что нам остается?

— Отправить его в тюрьму?

— Мы могли бы отправить его в тюрьму. Посадить его на всю оставшуюся жизнь или на несколько лет. Быть может, его бы даже не осудили. Человек зарезал убийцу своей жены. Много ли в Денхольце нашлось бы таких, кто стал бы его винить?

— Думаю, немного, — согласилась я.

Вонвальт откинулся на стуле и в молчании сделал несколько затяжек.

— Казалось бы, простое дело об убийстве, но как легко в нем запутаться. Если бы мы схватили преступника в тот миг, когда он зарезал жертву, и обезглавили его, не удосужившись даже спросить, почему он это сделал, правосудие бы восторжествовало?

— Очевидно, что нет, — ответила я, раздосадованная, как это часто бывало после уроков Вонвальта.

— Разумеется, нет. — Сэр Конрад погасил трубку и убрал в карман, после чего вновь пробежал взглядом обвинительное заключение. Удовлетворенный, он сложил лист пополам и поднялся. — Знаю, судебные процедуры кажутся нудной, сухой и бессмысленной работой — и зачастую так оно и есть. Но мы следуем им не просто так. В особенности когда приходится решать вопросы жизни и смерти. Кто знает, какие детали откроются по ходу дела?

— Я поняла.

Вонвальт кивнул.

— Хорошо. Понимаю, Хелена, юриспруденция кажется тебе скучной, но верь мне, когда я говорю: мало что в этом мире сравнится по важности с процедурой следствия.

Я не сдержалась и фыркнула. Вонвальт окинул меня строгим взглядом, но отповеди не последовало. Он посмотрел в окно, на почти готовую виселицу. День был по-настоящему чудный.

— Ну, пошли, — сказал Вонвальт и махнул в сторону двери. — Покончим с этим.

I

Естественный порядок рушится

*«Жизнь не имеет значения. Забудьте
о Неманской церкви: никто и ничто
не сможет осудить вас, кроме вас самих
и тех, кто сейчас рядом с вами. Пусть сегодня
за вас говорят ваши деяния. Немногие из нас
задержатся в чертогах людской памяти».*

ЛОРД ВОЛЬФ ФОН ВАРИНШТАДТ, ИЗ ОБРАЩЕНИЯ
К ПЕРВОМУ ЛЕГИОНУ НАКАНУНЕ БИТВЫ ПРИ РАБСБАХЕ

Когда пришел враг, я спала и видела во сне Мулдау. Впрочем... сон не самое подходящее слово. Это был кошмар. В то время кошмары преследовали всех нас. Иногда нам снилось одно и то же, и видения эти были полны знамений, а в иных случаях нам являлись лишь бессмысленные картины ужаса. Но мы видели их постоянно, и это неизменно вселяло страх.

По прошествии десятков лет я молюсь о тихой и бессонной ночи. Мои молитвы редко бывают услышанными.

Мне снился Мулдау. Я нечасто вспоминала родной город. Первые семнадцать лет моей жизни трудно назвать счастливыми. Холод и голод, опасность и одиночество были моими неизменными спутниками. Но случались и проблески хорошего, хоть в то время я их и не ценила.

В Мулдау хватало храмов, при которых существовали всевозможные благотворительные ордены. Многие из них представляли собой нечистые на руку заведения, созданные с единственной целью — отмывать незаконно добытые деньги. Но оставались и такие места, как Храм Святой Гримхильты, что хранили верность заявленным принципам.

Во сне я попросилась в приют, как порой случилось и в жизни. Подмести в галерее, вытряхнуть пыль из алтарных покрывал, начистить серебряную утварь, и все ради горячего ужина и ночлега. Я как раз собралась поесть, и матре, женщина, чье имя давно стерлось из моей памяти, отвела меня в сторону, желая наставить в Главных Добродетелях.

Только вскоре она сама же о них и позабыла. Матре сидела в молчании и бесплодных раздумьях, внутри меня вскипала досада. Я хотела спокойно поесть. Слушать эту женщину само по себе было неприятно, а ждать, когда же она заговорит, было еще хуже.

Через какое-то время я стала подсказывать ей, но матре по-прежнему молчала. Я становилась все настойчивей и скоро начала кричать, потом вопить на нее как умалишенная, но так и не смогла ничего добиться. Она лишь смотрела на меня пустым, отрешенным взглядом, словно разум ее заволокло туманом.

Женщина заплакала, ее рассудок угас, и мозг лишился способности породить связную мысль. Пока я воплями требовала рассказать мне о Добродетелях, матре была поглощена абсолютным ужасом, не в силах думать о чем-либо вообще, не говоря уж об учении Немы. Когда остатки ее разума рассеялись, как пар над остывающим кипятком, она взглянула на меня широко раскрытыми, полными ужаса и паники глазами. Потом она принялась кричать, возмущенная несправедливостью своего безумия, своей немощью перед лицом внезапного и неизлечимого упадка. Матре визжала, как животное или младенец, как существо, не сознающее ни себя, ни своего места в мире.

На этом сон обрывался. С того первого раза я видела его еще не раз, и всегда он оканчивается примерно одним тем же: матре кричит, я кричу, просыпаюсь и слышу собственный крик.

Я не знаю, что значит этот кошмар. До сих пор не знаю. И десятилетия раздумий не дали никакого вразумительного ответа.

Но я по-прежнему размышляю о нем. Я думаю о многом, что случилось в то время.

Что-то зажало мне рот и нос. Это была рука сэра Радомира. От его перчатки пахло старой кожей и спиртом.

— Тише ты, ради Немы, — прошипел бывший шериф.

От него разило вином. Он давно топил в нем кошмары, но эта черед загадочных видений оказалась непосильной даже для него.

Я замолчала. Машинально попыталась сесть, но сэр Радомир не дал мне этого сделать.

— Нет, — прошептал он и помотал головой.

Он огляделся. В зал попадал лунный свет, и я разглядела белки его глаз.

Дом стонал и скрипел на ветру.

Я различила в сумраке маркграфиню храмовников Северину фон Остерлен, облаченную в кольчугу и черно-белое сюрко ордена. Она стояла, прислонившись к стене у входа в зал, ее рука покоилась на эфесе короткого меча, на лице читалось выражение напряженного ожидания.

Я осторожно повернулась. По другую сторону зала в похожей позе стоял Вонвальт. Но если фон Остерлен казалась встревоженной, то сэр Конрад выглядел спокойным, даже задумчивым. Мне стало любопытно, о чем он размышлял.

Сэр Радомир медленно отступил от меня и вернулся в свой угол. Мне стало понятно, что я была единственной, кому удалось поспать.

Мы притихли. Снаружи ветер ворошил кроны деревьев, свистел в ветвях и шелестел листьями. Деревянные балки скрипели, точно корабельная палуба да пропитанные соленой водой канаты. Сквозь тростниковую крышу, поднимая пыль и труху, задувал холодный воздух.

В этом шуме что-то двигалось.

Я прислушивалась, так что кровь застучала у меня в ушах. Что бы это ни было, оно двигалось медленно и осторожно, выжидало, когда поднимется ветер, стараясь скрыть свои шаги за шелестом травы... Все это говорило о наличии разума и позволяло исключить случайности вроде забредшей козули.

Я нахмурилась и склонила голову набок. Теперь до меня доносился странный звук... падающих капель? Но снаружи было сухо. Я огляделась, но не заметила никаких струек, и, похоже, никто, кроме меня,

этого не слышал. Услышанное напоминало стук, как если бы вино из опрокинутого кубка просачивалось сквозь доски стола и капли падали на пол.

Ramayah.

Слово прозвучало ниоткуда, всплыло из глубин моего сознания.

И вот новый звук: что-то задело дощатую стену с той стороны, где стоял Вонвальт, вырвав его из задумчивости.

Я машинально потянулась к мечу. Остальные плотнее сжали рукояти. Я поочередно взглянула на Вонвальта, сэра Радомира и фон Остерлен, но нам ничего не оставалось, кроме как и дальше притворяться спящими в надежде самим застигнуть нападавших враг-сплох.

Что-то глухо стукнулось в доски, и этот звук невозможно было списать на ветер. Трое непрошенных гостей? Или, может, четверо? А то и вовсе разведчики впереди целой армии? В лучшем случае это могли быть бандиты, задумавшие нас ограбить, в худшем — некое воплощение наших ночных кошмаров. Выяснить это наверняка не было никакой возможности. Прорваться за дверь и скрыться в темноте казалось безумием. Оставалось только ждать и молиться.

Звуки за дверью изменились. Теперь казалось, кто-то скребет когтями по доскам и принимается, точно кабан. На какую-то секунду я понадеялась, что так оно и есть, что наши страхи и паранойя довели нас окончательно. Я повернулась к Вонвальту, готовая криво усмехнуться, закатить глаза и, быть может, понимающе подмигнуть. Он бы, в свою очередь, улыбнулся, убрал руку с меча и жестом велел мне спать дальше.

Вонвальт действительно выпустил рукоять меча. Но затем достал из кармана медальон Олени и повесил на шею.

У меня заколотилось сердце.

— Нет, — выдохнула я.

— Что? Что там? — шепотом спросил сэр Радомир.

Я посмотрела на дверь. Скрежет когтей стал громче и настойчивей.

Я перевела взгляд на Вонвальта. Наши глаза встретились, и сэр Конрад чуть заметно покачал головой. Лицо его было мрачным.

— Что?! — прошипел сэр Радомир.

— Наверное, мы умрем, — только и сумела я сказать.

Дверь с треском распахнулась.

Утро выдалось бодрящим. Небо над нами было чистым и голубым, воздух — прозрачным и холодным. Из рта у нас валил пар, и мы плотнее кутались в плащи.

Мы стояли вымотанные, потрясенные, но неведимые. Снаружи ничто не указывало на вторжение чужаков: ни отпечатков на покрытой росой траве, ни поломанных стеблей, ни разбросанных бочек или ящичков. Во дворе не было ничего примечательного, если не считать следов, которые оставили мы сами.

Это была типичная для той части Хаунерсхайма деревня. Я позабыла ее название, помню только, что располагалась она милях в двадцати к северу от Хофингена и представляла собой последнее крупное поселение на нашем пути, а дальше тянулись обширные необитаемые земли, которыми славилась Северная марка. Вдали, если смотреть на восток, горы Хассе переходили в предгорья Лиендау, еще достаточно высокие, чтобы на вершинах оставались снежные шапки. На за-